

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)

Б46

Marie Benedict
THE ONLY WOMAN IN THE ROOM

Перевела с английского

Ольга Полей

Художник

Алексей Вайнер

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Настоящее издание опубликовано при содействии
Laura Dail Literary Agency, Inc. и литературного агентства *Синописис*

Бенедикт М.

Б46 Одна в мужской компании : [роман] / Мари Бенедикт;
[пер. с англ. О. Полей]. — СПб. : Аркадия, 2020. —
352 с. — (Серия «Жизнь как роман»).

ISBN 978-5-907143-51-7

Кто помнит сейчас имя Хеди Ламарр? А ведь эта актриса считалась эталоном красоты 1940–1950-х годов и стала легендой золотого века Голливуда, впервые полностью раздевшись на большом экране и изобразив оргазм в кино.

Еще труднее представить себе, что эта кинозвезда успела внести вклад и в науку. В «свободное от покорения Голливуда время» Ламарр придумала технологию, позволявшую создать эффективную систему радиоуправления торпедами, которая легла в основу таких стандартов современной беспроводной связи, как GSM, Bluetooth и Wi-Fi.

Но это случится потом, а в начале 1930-х годов на юную актрису положил глаз один из богатейших людей Австрии, «торговец смертью», не гнушавшийся сотрудничать с фашистами. Выбор, сделанный в тот момент, определил ее дальнейшую судьбу...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)

© Marie Benedict, 2019

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-907143-51-7

ООО «Издательство Аркадия», 2020

ЧАСТЬ I

Глава первая

17 мая 1933 года

Вена, Австрия

Мои веки дрогнули, я открыла глаза, но тут же снова сощурилась, ослепленная лучами софитов. Чтобы не упасть, я незаметно оперлась на руку стоящего рядом актера и, изобразив на лице уверенную улыбку, стала ждать, пока зрение прояснится. От яркого света и оглушительного грохота аплодисментов меня слегка пошатывало. Маска, прочно приросшая к лицу на время спектакля, соскользнула: на какой-то миг я вновь стала не Елизаветой, баварской императрицей девятнадцатого века, а просто юной Хеди Кислер.

Но не могла же я на глазах у зрителей знаменитого Венского театра выпасть из образа их любимой императрицы. Пусть даже и по завершении спектакля. Она ведь была для венцев символом некогда славной Габсбургской Австрии — империи, господствовавшей почти четыреста лет, и в эти унижительные дни после Мировой войны ее образ был особенно дорог

людям. Правда, последние годы жизни императрицы, когда золотая цепь императорской немилости стала ярмом на ее шее, ограничивающим каждое движение, в пьесу, конечно, не вошли. Об этом венцам думать не хотелось, а игнорировать неприятные факты они умели как никто.

На долю секунды я снова прикрыла глаза, ушла в себя, отбросила прочь Хеди Кислер со всеми ее пустяковыми заботами и мелкими чаяниями. Усилим воли я вновь заставила себя ощутить на плечах мантию императрицы, а в душе — стальную несгибаемую твердость и тяжкий груз долга. Решительно открыла глаза и устремила взор на своих подданных.

Передо мной возникла публика. Я увидела, что зрители хлопают мне не с мягких сидений роскошных театральных кресел, обтянутых красным бархатом, а стоя. Таковую честь мои земляки-венцы оказывали далеко не каждому. Я-императрица принимала эти почести как должное, а вот я-Хеди засомневалась: может быть, эти аплодисменты предназначены вовсе не мне, а еще кому-нибудь из актеров, занятых в «Сисси»? Да вот хотя бы Гансу Яраю, который играл Франца-Иосифа, — ведь он живая легенда Венского театра. Я ждала, когда коллеги выйдут на поклон. Все они были вознаграждены громкими рукоплесканиями, но, когда в центр сцены вышла я, зрители пришли в настоящее неистовство. Да, это был мой триумф.

Как же жаль, что папа не видел мою игру в этот вечер. Если бы мама не вздумала разыгрывать из себя больную, — конечно, только для того, чтобы оттянуть на себя внимание в такой важный для меня

день, — он мог бы полюбоваться на мой дебют в Венском театре. Я знаю, его порадовал бы такой восторг публики, и, если бы он своими глазами увидел, что творится со зрителями, может быть, хоть это смыло бы с меня пятно позора от опрометчивого появления на экране в фильме «Экстаз». Роли, о которой я всей душой мечтала забыть.

Овации стали стихать, и по рядам пробежал беспокойный ропот: в центральном проходе показалась процессия капельдинеров с охапками цветов в руках. Такой вызывающий жест, да еще и у всех на виду, взбудоражил обычно сдержанных венцев. Я почти слышала, как они перешептываются: кто же это осмелился устроить такое пышное шествие в день премьеры? Это можно было бы оправдать разве что неумеренным проявлением родительской гордости, но я-то знала: мои осмотрительные родители на такой поступок никогда бы не решились. Может быть, перестарались родные кого-то из коллег?

Капельдинеры приблизились к подмосткам, и я увидела, что в руках у них не обычные цветы, а отборнейшие оранжерейные розы. С десяток букетов, если не больше. Сколько же может стоить такой ворох? Я могла только гадать, кто может позволить себе такую невероятную роскошь в наше время.

Капельдинеры поднялись на сцену, и стало ясно: им велено вручить букеты адресату на глазах у всей публики. Не зная, как правильно реагировать на такое нарушение приличий, я бросила взгляд на других актеров — вид у них был такой же обескураженный. Режиссер сделал знак капельдинерам прекратить эту демонстрацию, но тем, должно быть, хорошо

заплатили: они не обратили на него внимания и выстроились в ряд передо мной.

Они начали вручать букет за букетом — вскоре цветы уже не помещались у меня в руках, и тогда капельдинеры стали складывать их к моим ногам. Спиной, каждым позвонком, я чувствовала неодобрительные взгляды коллег. Малейшая прихоть этих прославленных артистов могла как вознести, так и обрушить мою карьеру. Несколько нужных слов в нужный момент — и я кубарем покачусь вниз с вершины успеха, и меня заменят любой из множества молодых актрис, претендующих на эту роль.

Я уже думала, что придется отказаться от букетов, но одна мысль внезапно остановила меня. Их ведь мог прислать кто угодно. Возможно, какой-нибудь видный деятель любой из враждующих политических групп — консерватор из Христианской социальной партии или социалист из социал-демократической. Или еще хуже: мой щедрый даритель — сторонник национал-социалистической партии, выступает за объединение Австрии с Германией и поддерживает ее недавно провозглашенного канцлера, Адольфа Гитлера. Маятник власти каждый день раскачивался из стороны в сторону, и рисковать сейчас нельзя было никому. Тем более мне.

Публика перестала хлопать. В неловкой тишине все вновь уселись на свои места. Все, кроме одного человека. У одного из самых лучших мест в театре, в середине третьего ряда, стоял какой-то мужчина с широкой грудью и квадратной челюстью. Один из всех зрителей он остался стоять.

Не сводя с меня глаз.

Глава вторая

17 мая 1933 года

Вена, Австрия

Занавес упал. Коллеги-актеры бросали на меня насмешливые взгляды. Я пожала плечами и покачала головой — это должно было выразить, как я надеялась, и недоумение, и неодобрение подобных поступков. Приняв поздравления и выждав сколько нужно, чтобы соблюсти приличия, я ушла и закрылась у себя в гримерке. Я была охвачена гневом и тревогой: эти цветы отвлекли внимание от моего триумфа, от роли, которая должна была помочь мне раз и навсегда развеять память об «Экстазе». Нужно выяснить, кто это сделал и что это было: комплимент, пусть неуклюжий, или что-то еще.

Вытащив конверт, спрятанный в самом большом букете, я взяла маленькие ножницы и вскрыла его. Достав плотную кремовую карточку в золотой рамке, я поднесла ее поближе к лампе, стоявшей на туалетном столике, и прочла:

«Незабываемой Сисси. С уважением, Фридрих Мандль».

Что еще за Фридрих Мандль? Имя было мне знакомо, но я никак не могла вспомнить откуда.

Дверь моей гримерки заходила ходуном от настойчивого стука.

— Фройляйн Кислер?

Это была Эльза Люббиг, старая и опытная костюмерша, вот уже двадцать лет одевавшая всех звезд Венского театра. Даже во время Мировой войны и в тягостные годы после поражения Австрии эта седовласая матрона помогала актерам готовиться к спектаклям, что поддерживали боевой дух венцев, напоминали им об историческом величии Австрии и рождали мечты о счастливом будущем.

— Входите, пожалуйста! — крикнула я.

Даже не взглянув на море роз, фрау Люббиг начала снимать с меня желтое, солнечного цвета платье. Пока я втирала крем в лицо, чтобы снять плотный слой сценического грима, а вместе с ним последние остатки образа, она выплела из моих волос замысловатый шиньон, подходящий, по мнению режиссера, императрице Елизавете. Фрау Люббиг молчала, но я чувствовала — она только выжидает удобного момента, чтобы задать вопрос, несомненно занимающий сейчас весь театр.

— Красивые цветы, фройляйн Кислер, — заметила наконец фрау Люббиг после того, как похвалила мое выступление.

— Да, — ответила я, ожидая пока не высказанного вопроса.

— Можно поинтересоваться, от кого они? — спросила она, покончив с прической и переходя к корсету.

Я помолчала, раздумывая над ответом. Можно было соврать, приписать оплошность моим

родителям, но тогда эта сплетня станет той ценностью, которую она сможет пустить в оборот при удобном случае, а если я доверю ей настоящий секрет, она будет у меня в долгу. Иметь в своих должниках фрау Люббиг может оказаться небесполезным.

Я улыбнулась и протянула ей карточку.

— Некто Фридрих Мандль.

Она ничего не сказала, но я слышала, как она сдавленно охнула, и это было более чем красноречиво.

— Вы о нем слышали? — спросила я.

— Да.

— Он был в театре сегодня вечером?

Я знала, что фрау Люббиг смотрит все спектакли из-за кулис, зорко наблюдая за порученной ее заботам актрисой, чтобы вовремя привести в порядок надорванный подол или сбившийся набок парик.

— Да, фройляйн Кислер.

— Это тот, что остался стоять после последних аплодисментов?

Она вздохнула.

— Да, фройляйн Кислер.

— Что вы о нем знаете?

— Не хотелось бы рассказывать, фройляйн Кислер. Не по чину мне.

Я подавила улыбку: ох уж эта притворная скромность фрау Люббиг. В ее сокровищнице хранилось столько тайн, что это делало ее во многих отношениях самой влиятельной персоной в театре.

— Вы сделаете мне большое одолжение.

Она помолчала, делая вид, что обдумывает мою просьбу.

— До меня доходили только сплетни и слухи. Не всегда лестные.

— Прошу вас, фрау Люббиг.

— В общем... — Я видела ее в зеркале: она словно перелистывала аккуратно сохраненное в памяти досье, прикидывая, какой кусочек информации выдать. — У герра Мандля еще та репутация в делах с женщинами.

— Как и у любого мужчины в Вене, — со смехом отвечала я. Если дело только в этом, можно не волноваться. С мужчинами я умела себя поставить. Во всяком случае, с большинством мужчин.

— Дело не сводится к обычным интрижкам, фройляйн Кислер. Один его роман закончился самоубийством молодой немецкой актрисы Евы Мэй.

— Какой ужас, — выдохнула я, хотя, имея за плечами свою собственную историю разбитых сердец и попытку самоубийства одного из отвергнутых воздыхателей, я не могла судить его слишком строго. История, конечно, ужасная, но эта пикантная подробность — явно не все, что известно фрау Люббиг. По ее тону я чувствовала, что она что-то скрывает и ей есть что еще рассказать. Ей просто хотелось, чтобы я поупрашивала ее подольше.

— Если вы знаете еще что-то, я буду вам очень обязана.

Она помялась.

— Такими сведениями в наши дни делятся с осторожностью, фройляйн Кислер.

В эти смутные времена информация была валютой.